

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-275–291

АНТРОПОМОРФНЫЕ И ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СОСУДАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО БАССЕЙНА

П.О. Сенотрусова, П.В. Мандрыка, К.В. Бирюлева

¹*Лаборатория археологии Енисейской Сибири Сибирского Федерального
университета, Красноярск, Россия*
poellina1987@rambler.ru; pmandryka@yandex.ru; ksy36ss@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу антропоморфных и зооморфных изображений на посуде раннего железного века и Средневековья лесной зоны Ангаро-Енисейского бассейна. Приводится описание имеющихся материалов, их типология и хронология. В ходе исследования установлено, что на керамике раннего железного века встречаются плоскостные антропоморфные изображения с ромбовидной головой и ромбовидные личины. Они всегда расположены в верхней трети сосудов, и вплетены в структуру орнаментальной композиции. Подобные изображения встречаются по всему ареалу цэпаньской культурно-исторической общности тагарского времени, а в долине Среднего Енисея они известны и позднее – в комплексах, синхронных тесинским памятникам. В таштыкскую эпоху в южной тайге Ангаро-Енисейского бассейна на сосудах появляются полноразмерные антропоморфные фигуры, у которых сохраняются ромбовидные контуры головы предшествующего времени. Но иконография сюжета, манера его нанесения и место размещения кардинально отличаются от предшествующего времени. На средневековой керамике Нижнего Приангарья встречаются плоскостные стилизованные личины из двух или трех ямок. Также известны более реалистичные барельефные изображения. Предельная абстракция средневековых образов не позволяет однозначно определить, какие черты антропо- или зооморфные являются в них преобладающими. В отличие от керамики раннего железного века, на средневековой посуде личины накладываются на общую орнаментальную композицию. Они наносились гончаром в последнюю очередь, уже после покрытия сосуда основным орнаментом. Антропоморфные и зооморфные изображения на посуде южно-таежной подзоны Ангаро-Енисейского бассейна позволяют уточнить возраст и отчасти культурную принадлежность некоторых типов петроглифов региона.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, Нижнее Приангарье, Средней Енисей, керамика, антропоморфные изображения, датировка, петроглифы

Одним из источников по исследованию искусства древнего и средневекового населения южно-таежной подзоны Ангаро-Енисейского бассейна традиционно

Данные об авторах: Сенотрусова Полина Олеговна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ; Мандрыка Павел Владимирович – доктор исторических наук, заведующий сектором Лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ; Бирюлева Ксения Викторовна – старший научный сотрудник Лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ.

являются петроглифы. Наскальные изображения этого региона привлекали внимание исследователей еще с XVIII в., и к сегодняшнему времени имеется обширная литература, посвященная их описанию, датировке, стилистическому и семантическому анализу¹.

Другие категории находок (бронзовая металлопластика, мобильная скульптура, изображения на керамике, гравировки на костяных и роговых изделиях) не часто привлекали внимание исследователей. Раньше это было связано с редкостью или отсутствием таких находок, но масштабные раскопки в Нижнем Приангарье и на Среднем Енисее позволили получить значительную выборку новых произведений древнего и средневекового искусства.

Ромбовидные личины на керамике долгое время не становились объектом отдельных исследований и рассматривались в ряду других характерных признаков посуды раннего железного века Нижнего Приангарья и прилежащих районов бассейна Енисея. Антропоморфные изображения на керамике сопоставлялись с художественными изделиями из других материалов и с рисунками на скалах. Отмечалось сходство изображений на керамике и бронзовых ангарских личин с «рожками» или «ушками», при этом было предложено датировать их в широких рамках раннего железного века². А.Л. Заикой на основании анализа значительного массива ангарских петроглифов разработана типология антропоморфных личин. Среди них в отдельный тип выделены ромбовидные изображения, которые встречаются редко и чаще всего выступают как маски-личины фронтальных линейных фигур³.

В рамках настоящей публикации рассматриваются изображения, зафиксированные на керамических сосудах раннего железного века и раннего Средневековья. Хронологические рамки исследования обусловлены датировкой имеющихся материалов. К этому периоду относится большинство найденных сосудов с антропоморфными и зооморфными изображениями. Известные единичные случаи нанесения антропоморфных личин на неолитической посуде пока не составляют серий⁴. Их анализ требует отдельного исследования, также как и разработка подробной культурной хронологии неолита и бронзового века Нижнего Приангарья. Для раннего железного века и раннего Средневековья уже выделены культурно идентифицирующие маркеры, позволяющие достаточно узко датировать материал и провести его корреляцию. Результаты анализа антропоморфных и зооморфных изображений на керамике этого региона позволят в дальнейшем уточнить возраст некоторых наскальных изображений и, возможно, связать воедино петроглифы с материалами поселенческих и погребальных памятников.

МАТЕРИАЛЫ

На керамике из района исследования известны только стилизованные изображения. Узнаваемые антропоморфные образы часто встречаются на посуде раннего железного века. Все они однотипны – плоскостные изображения с ромбовидным контуром головы и головным убором.

¹ Заика 2013.

² Ломанов, Заика 2005, 122.

³ Заика 2013, 123.

⁴ Гришин, Гаркуша, Марченко 2009, 263; Савельев, Уланов 2018, 53.

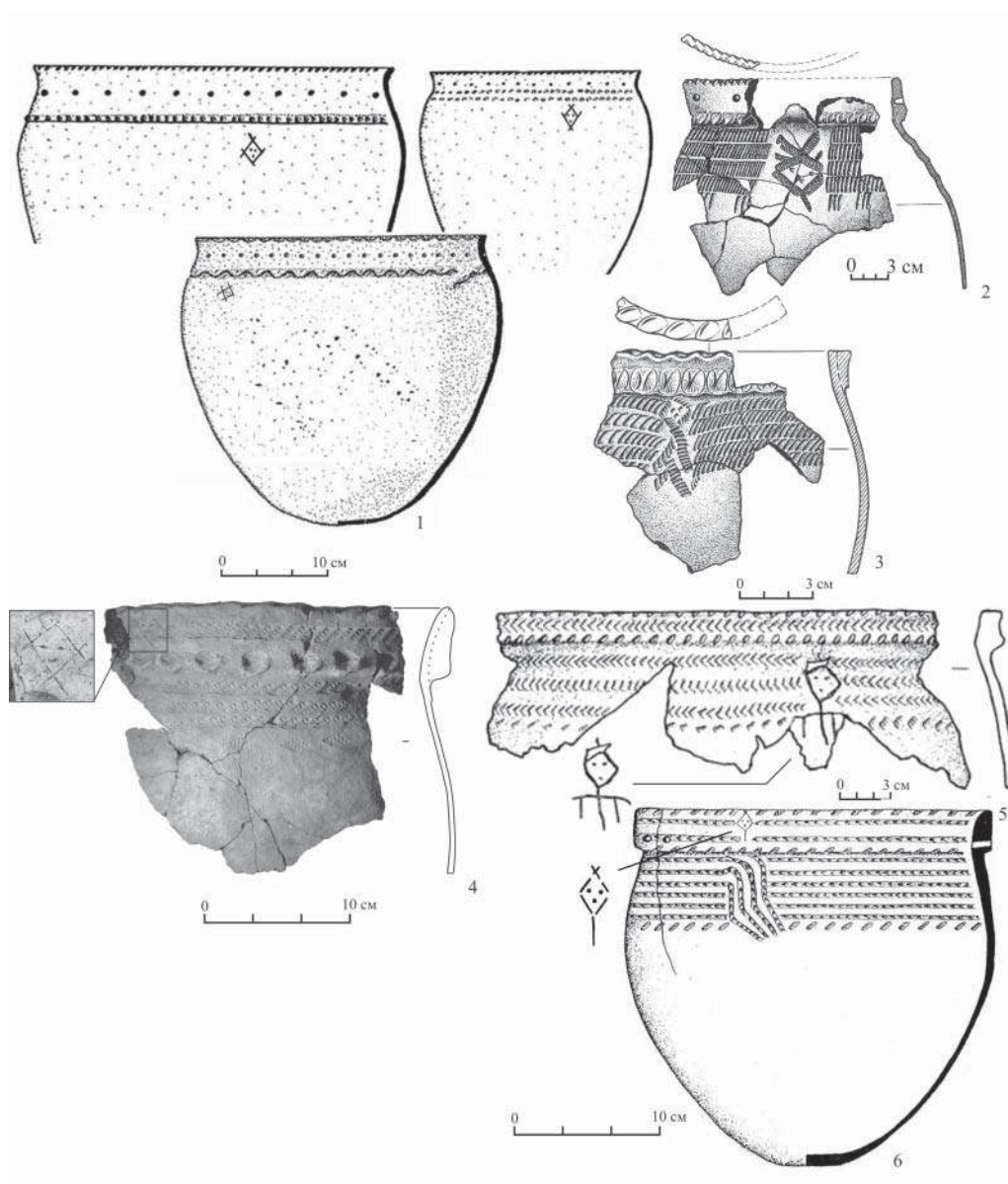

Рис. 1. Керамика раннего железного века с антропоморфными изображениями из лесной зоны Ангаро-Енисейского бассейна

1 – Шилка-2; 2 – Капонир (по: Привалихин 1992, рис. 1); 3 – Сергушкин-1 (по: Привалихин 2011, рис. 10, 7); 4 – Пинчуга-6; 5 – Кода-3 (по: Славинский, Анойкин, Рыбалко, Казакова, Милютин 2012, рис. 4, 2), 6 – Язаевка (по: Заика 2013, табл. 113, 11)

Fig. 1. Pottery of the Early Iron Age with anthropomorphic images from the forest zone of the Angara-Yenisei basin

1 – Shilka-2; 2 – Kaponir; 3 – Sergushkin-1; 4 – Pinchuga-6; 5 – Koda-3; 6 – Yazayevka

Целая серия таких находок связана с материалами цэпаньской культурно-исторической общности. В 1987 г. при исследовании разрушенного погребения № 1 могильника Капонир найден блок верхней части сосуда с сохранившимся изображением ромбовидной личины⁵ (рис. 1, 2). Автором приведены этнографические аналогии, на основании которых высказано предположение, что на сосуде изображен человек в головном уборе с «рожками и ушками».

На другом сосуде со стоянки Сергушкин-1 полосами из оттисков гребенчатого штампа изображена антропоморфная фигура с ромбовидной головой без головного убора, но с обозначенными руками и ногами⁶ (рис. 1, 3).

На поселениях в бассейне Енисея и низовьях Ангары известны сосуды каменско-маковского типа, также с изображением прочерченных ромбовидных личин. Один найден в третьем культурном слое поселения Язаевка (рис. 1, б), другой – во втором культурном слое поселения Стрелковское II. Оба памятника датируются IV–III вв. до н. э.⁷

Известны случаи нанесения прочерченных ромбовидных личин и на керамику карабульского типа из культурных слоев стоянки Усть-Карабула⁸.

Два сосуда с ромбовидными личинами из линий, нанесенных отступающими оттисками, зафиксированы в первом культурном горизонте стоянки Взвоз (Пункт 2)⁹. На стоянках Кода-3 и Нижняя Изголовь антропоморфные фигуры с ромбовидными головами показаны с туловом и конечностями¹⁰ (рис. 1, 5). В 2019 г. сосуд раннего железного века с ромбовидным антропоморфным изображением найден на комплексе Пинчуга-6 (раскопки авторов) (рис. 1, 4).

В 2000–2001 гг. в бассейне среднего Енисея на городище Шилка-2 были найдены три сосуда с прочерченными ромбовидными личинами (рис. 1, 1). Памятник отнесен П.В. Мандрыкой к шилкинской археологической культуре и датирован хуннским временем¹¹.

Антропоморфные фигуры отмечены и на керамике, украшенной тонкими налепными валиками, отнесенной к финалу раннего железного века. Один такой сосуд был найден на стоянке Костыльниковский Мыс. На нем с двух противоположных сторон изображены по фигуре человека в полный рост¹² (рис. 2, 5).

Тонковаликовая орнаментация керамической посуды сохраняется в лесной зоне Ангаро-Енисейского бассейна и в раннем Средневековье. На таких сосудах край формы часто сопровождается барельефным или плоскостным антропо- или зооморфным изображением. Изделия зафиксированы при изучении памятников Усть-Карабула¹³, Стрелковское-1¹⁴, Проспихинская Шивера-IV, Проспихинская Шивера-I и Проспихинская Шивера-II (раскопки авторов) (рис. 2, 2–4), Сергуш-

⁵ Привалихин 1992, 75.

⁶ Привалихин 2011, рис. 10.

⁷ Мандрыка 2016, 238.

⁸ Заика 2013, табл. 113.

⁹ Леонтьев, Герман 2015, 90, рис. 3.

¹⁰ Деревянко, Цыбанков, Постнов и др. 2015, 374.

¹¹ Мандрыка 2003, 39.

¹² Максимович, Бирюлева 2018, 88, 92.

¹³ Макаров 2013.

¹⁴ Фокин 2008.

кин 1 и 3¹⁵, Взвоз, пункт 2¹⁶. На стоянке Итомиура найден археологически целый сосуд, украшенный тонкими валиками (рис. 2, 1). Его край с четырех сторон оформлен симметричными выступами, под которыми нанесены по три ямки, расположенными по углам треугольника. На основании радиоуглеродной даты и аналогий сосуд датирован второй половиной I тыс. н. э.¹⁷.

Таким образом, на сегодняшний день авторам доступно 16 изображений на керамике раннего железного века и 28 изображений на посуде раннего Средневековья.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Представленный обзор известных изображений на керамике показывает их морфологическое разнообразие и широкую датировку в рамках трех хронологических групп. Каждая группа на основании анализа стилистики изображений включает варианты, обладающие набором повторяющихся признаков. Не смотря на простоту образов, они все индивидуальны и отличаются деталями, что ограничивает их унификацию.

В группе посуды тагарского (цэпаньского) времени преобладают антропоморфные изображения, хотя В.И. Привалихиным на основании находок фрагментов стенок сосудов с неидентифицируемыми изображениями высказывалось мнение о нанесении на керамику и образов животных¹⁸. Особенностью изображений этого времени является ромбовидный контуры головы или личины, внутри которой тремя точками по углам треугольника показаны глаза и рот. На всех археологически целых сосудах присутствует только одно изображение, нанесенное с одной стороны под краем емкости: на шейке или плечиках. Фигура чаще всего занимала гладкое поле в разрыве рядов статичного орнамента, гармонично вписываясь в композицию.

По полноте изображаемой фигуры выделяются два варианта.

Вариант 1. Антропоморфное изображение вытянутой фронтально стоящей фигуры с ромбовидной головой (рис. 1, 3, 5). Известно три сосуда с такими персонажами, которые отличаются между собой полнотой изображенных частей тела и их деталей: у фигурок могут отсутствовать ноги; не показано отдельной линией тело; руки дополнительно согнуты в локтях. Головы с изображением глаз и рта, но на голове присутствуют разные дополнительные элементы: «рожки»; «шапочка»; или голова ничем не покрыта. Приемы нанесения изображений различны. На горшке со стоянки Кода-3 фигурка прочерчена тонкими линиями, на емкостях с острова Сергушкин и стоянки Нижняя Изголовь – выполнена гребенчатыми оттисками. Несмотря на указанные различия в деталях, для этих изображений характерны общая поза и форма головы, что позволяет рассматривать их в рамках одного иконографического варианта.

Вариант 2. Ромбовидная личина, точками обозначены глаза и рот, в некоторых случаях линией показана шея (представлены на 12 сосудах) (рис. 1, 1, 2, 4, 6).

¹⁵ Герман, Леонтьев 2013.

¹⁶ Леонтьев, Герман 2015.

¹⁷ Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова 2019.

¹⁸ Привалихин 2011, 165.

К верхней части изображения примыкают дополнительные элементы из прямых линий, их может быть от 2 до 6. Традиционно их интерпретируют как «рожки» и/или «ушки». На сосуде из поселения Стрелковское-2 у изображения не обозначены глаза и рот, а вниз отходят наклонные линии.

Этот вариант изображения является наиболее распространенным в Ангаро-Енисейском бассейне, он широко представлен на посуде всего ареала цэпаньской культуры, включая карабульский, взввовский и каменско-маковский керамические типы. Наиболее поздние изображения зафиксированы на керамике шилкинской культуры. Изображение могли наноситься гребенчатыми оттисками (Капонир, Сергушкин-3, Усть-Карабула, Нижняя Изголовь) или прочерчиваться тонкими резными линиями (Шилка-2, Язаевка, Пинчуга-6, Стрелковское). На Енисее известны только резные изображения, тогда как на Нижней Ангаре есть находки сосудов с личинами, нанесенными разными способами.

В условно выделяемую группу таштыкского времени входит пока единственно известное антропоморфное изображение на сосуде с енисейской стоянки Костыльниковский Мыс. Сосуд украшен двумя антропоморфными фигурами, расположенными по противоположным бокам емкости. Фигуры фронтальные, с ромбовидной головой, у них показаны ноги, руки и плечи, но черты лица не обозначены (рис. 2, 5). Изображения выполнены тонкими наклепными валиками, такими же, как и остальной орнамент на сосуде.

В группе сосудов раннего Средневековья известны как зооморфные, так и антропоморфные изображения, отмечены они при этом на разных вариантах тонковаликовой керамики, в большинстве случаев на посуде, с валиками, расположенными арками. Все находки тонковаликовой посуды с изображениями происходят из бассейна нижнего течения Ангары. Здесь выделяется два варианта изображений.

Вариант 1. Плоскостные изображения личин из ямок (рис. 2, 1, 4). Они всегда расположены под краем формы, иногда под специально оформленным выступом (подъемом края) и перекрывают основной орнамент. На 22 сосудах изображения выполнены тремя или двумя ямками, которые обычно интерпретируются как «глаза и рот» (или только «глаза»). Трехямочные фигуры расположены в виде равнобедренного треугольника вершиной вниз, ямки могли наноситься округлым штампом или полый трубкой. Количество изображений на восстановленных целиком сосудах могло достигать 4-х, расположенных на разных сторонах края емкости напротив друг друга. На сосуде со стоянки Итомиура, в трех из четырех случаев, трехямочные композиции смещены относительно поля краевых выступов вправо.

Вариант 2. Барельефные изображения. Отмечены на 6 сосудах усть-ковинского типа (рис. 2, 3). Они расположены по краю емкостей. Вертикальным наклепом, подтреугольным в сечении валиком, показан выступающий рельеф образа, слева и справа от него наносились ямки, в трех случаях еще одна ямка наколота под наклепом. В одном случае изображение вписано в орнаментальный ряд: в поясе округлых штампов между двумя элементами нанесен вертикальный наклеп, отчего округлые штампы из ряда воспринимаются как глаза изображения. Верхняя часть барельефа могла быть оформлена раздвоенными выступами, похожими на «приостренные ушки», благодаря чему фигуры приобретают выраженные зооморфные черты.

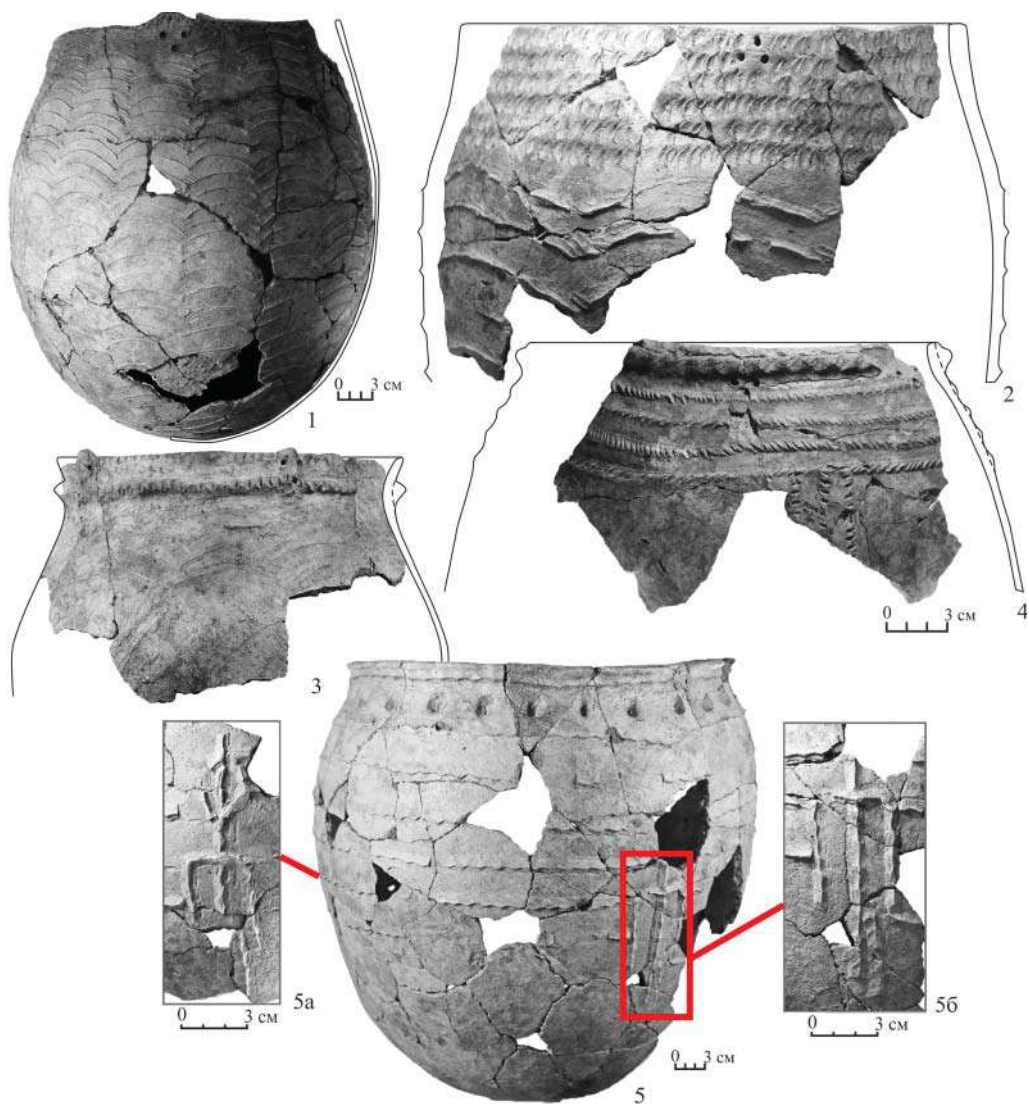

Рис. 2. Керамика раннего железного века – раннего Средневековья с антропоморфными и зооморфными изображениями из лесной зоны Ангаро-Енисейского бассейна
 1 – Итомиура; 2 – Проспихинская Шивера-IV; 3, 4 – Проспихинская Шивера-I; 5 – Костыльниковский Мыс (по: Максимович, Бирюлева 2018, рис. 1)
 Fig. 2. Pottery of the Early Iron Age – Early Middle Ages with anthropomorphic and zoomorphic images from the forest zone of the Angara-Yenisei basin
 1 – Itomiura; 2 – Prospikhinskaya Shivera-IV; 3, 4 – Prospikhinskaya Shivera-I; 5 – Kostylnikovskiy Mys

ОБСУЖДЕНИЕ

Интерпретация любого образа, выполненного на керамическом горшке, осложняется субъективным восприятием стилизованных изображений. Наиболее стилизованные образы характерны для керамики раннего Средневековья, где интерпретируемые изображения строятся из двух или трех ямок. В связи с этим необходимо выделить критерии, отличающие преднамеренно нанесенные изображения от элементов орнаментальной композиции.

«Задуманный гончаром образ может быть вписан в систему элементов и мотивов орнамента сосуда, но должен обязательно занимать в ней особое место, визуально выделяясь на фоне всей композиции¹⁹. На ряде раннесредневековых сосудов для выделения задуманного образа гончар размещал изображения под специальными выступами на венчике сосуда (рис. 2, 1). Имеющий место орнамент в виде трех сгруппированных ямок, образующих линейные ряды, мы не рассматриваем как изображение личин. На керамике раннего железного века антропоморфные изображения всегда встроены в орнаментальную композицию, где занимают специально оставленное для них свободное поле».

На керамике цэпаньской культурно-исторической общности антропоморфные изображения встречаются по всему ареалу. В бассейне Енисея они отмечены на посуде каменско-маковского типа, на Ангаре на керамике карабульского и взвозского типов.

Помимо очевидного иконографического сходства изображений, разнотипную посуду общности сближает месторасположение антропоморфных образов на форме и их место в структуре декора. Во всех случаях свободное поле в верхней трети сосуда для нанесения изображения было преднамеренно оставлено в процессе его декорирования. Нельзя точно сказать, что мастер делал в первую очередь: наносил статичные элементы орнамента или рисовал изображение, но очевидно, что он заранее планировал разместить антропоморфный образ на сосуде. Фигуры не были случайными, они играли важную роль и в декоре емкости и, вероятно, в мировоззренческих представлениях носителей этой гончарной традиции. Вариативность образа говорит об отсутствии его жесткой унификации, фактически основной элемент – ромбовидная голова, все остальное носило необязательный, но индивидуальный характер.

Из общего ряда соотношения орнаментальной композиции и антропоморфного изображения выбивается сосуд со стоянки Язаевка на Енисее. Здесь личина вписана не в статичные ряды орнамента, а в сложно составную композицию из преломляющихся рядов оттисков гладкого приостренного орнамента (рис. 1, б). Представленное оформление не характерно для других районов цэпаньской общности. Достаточно осторожно можно предположить, что этим сосудом гончар показал образ человека, одежда которого перевязана «поясом» со свисающими концами. Следовательно, сам сосуд мог восприниматься как целостный антропоморфный образ. Подобная трактовка может быть расширена, возможно, изображенные личины – это «лик» всего сосуда, способ «оживить» посуду, придать ей антропоморфные черты.

¹⁹ Кокорина, Лихтер 2010, 42.

Традиция нанесения на керамику антропоморфных изображений с ромбовидной головой была устойчивой и существовала в регионе исследования на всем протяжении раннего железного века. Для бассейна нижнего течения Ангары датировка цэпаньской посуды пока возможна только в широких рамках VII–II вв. до н.э. Хотя многообразие уже выделенных типов керамики этой культурно-исторической общности требует уточнения времени бытования разнотипной посуды. В долине Среднего Енисея самые ранние антропоморфные изображения известны на каменско-маковских горшках IV–II вв. до н.э. Необходимо подчеркнуть, что именно здесь ромбовидные личины сохраняются, и мы их видим на посуде последующего тесинского времени, в материалах шилкинской культуры. В южнотаежной зоне Средней Сибири в II–I вв. до н.э. появляются новые люди, принесшие с собой металлургию железа, скотоводство и совершенно иные приемы украшения посуды. Но, вероятно, под влиянием культуры местного таежного населения ими перенимаются какие-то мировоззренческие идеи, что приводит к появлению ромбовидных личин на шилкинской посуде.

Несколько иная иконография антропоморфных фигур с ромбовидной головой прослежена на сосуде таштыкского времени со стоянки Костыльниковский Мыс на Енисее. В этом случае у антропоморфных образов не обозначены черты лица, фигуры уже две и они размещены в нижней части тулова горшка. По аналогиям с керамикой из могильника Пинчуга-6, этот сосуд может быть датирован второй четвертью I тыс. н.э. Других подобных емкостей пока не известно. Вероятно, с изменением культуры внутреннее содержание традиции нанесения антропоморфных изображений на сосудах претерпело серьезные изменения, что и нашло отражение в иконографии образа.

Близлежащим к Ангаро-Енисейскому бассейну регионом, где в раннем железном веке зафиксирована традиция украшения керамики антропоморфными и зооморфными изображениями является Томское Приобье. Здесь на кулайских памятниках IV в. до н.э. – II в. н.э.²⁰ найдены сосуды, на которых прочерчены полноразмерные фигуры людей и личины. С ангарскими и енисейскими изображениями их сближает способ нанесения (прочерчивание), сильная стилизация образов и общая хронология. На сосудах Томского Приобья отмечена значительная вариативность расположения образов (на венчике, на шейке, в придонной части тулова), часто встречаются сложные композиции из зооморфных, антропоморфных и абстрактных изображений, отличаются иконографические особенности личин. Последние трапециевидной или треугольной формы, помимо глаз и рта, у них показан нос, волосы и «оттопыренные» уши. Исключением является фрагмент сосуда с Кижировского городища, на котором показаны две антропоморфные фигуры с ромбическими головами²¹. Эти фигурки иконографически ближе всех к енисейским и ангарским образам, хотя исследователи рассматривают их как антропо-орнитоморфные мифологические персонажи²².

Если находки керамики раннего железного века с изображениями относительно редки, то антропоморфные изображения из других материалов с ромбической или заостренной головой широко представлены в искусстве этого периода. По-

²⁰ Рыбаков 2020, 142.

²¹ Панкратова, Плетнева 2012, рис. 3, 1.

²² Панкратова, Плетнева 2012, 172.

добные фигурки человека известны в кулайском культовом литье, где эта форма головы традиционно трактуется как изображение шлема²³.

Присутствуют изображения людей с ромбической или заостренной головой в ананьинских древностях Волго-Камья, что связано с широким распространением в это время конических головных уборов²⁴. Каменное изделие с гравированным антропоморфным изображением с ромбической головой найдено в Южном Зауралье на Синарском городище²⁵.

В целом, в раннем железном веке изображения антропоморфных персонажей с ромбической или заостренной головой были широко распространены в Северной Евразии. В одном ряду с подобными изображениями находятся и рисунки людей, известные на ангарской и енисейской посуде скифского и хунно-сяньбийского времени.

Другой стиль и другая техника характерны для изображений на тонковаликовой посуде раннего Средневековья. Нужно отметить, что личины известны пока только на керамике из Нижнего Приангарья, в енисейских материалах в это время они не еще не найдены.

Изображения второй половины I тыс. н.э. предельно стилизованы, в большинстве случаев это просто три ямки, расположенные в виде углов перевернутого треугольника. Небольшая часть изображений оформлена с помощью специально сделанных налепов на венчик, которые сами по себе выглядят как «торчащие ушки», что придает им объем, делает их более реалистичными и заметными. Отметим, что подобные налепы-«ушки» встречаются и независимо от изображений, например на сосуде из могильника Усть-Кова²⁶ или на поселении Проспихинская Шивера-IV. Схожие налепы на сосудах из южносибирских памятников рассматривались как имитации ручек бронзовых котлов²⁷.

Отличительной чертой средневековых сосудов является отсутствие на них свободного поля для размещения изображения. Напротив, личины всегда нанесены поверх орнамента, перекрывая его и не нарушая статичную композицию. Касается это не только плоскостных, но и барельефных образов. При скульптурной лепке последних изменялся, переоформлялся участок горизонтального налипного валика, проходящего по краю сосуда. Сами барельефные изображения часто выполнены нарочито небрежно и даже грубо. В двух случаях у изображений дополнительно обозначены небольшие приостренные выступы в верхней части, которые можно рассматривать как «уши». Это придает данным образам выраженные зооморфные черты. Предельная стилизация изображений на средневековых сосудах Нижнего Приангарья не позволяет однозначно определить являются ли они изображениями личин или мордочек животных. Более того, на тонковаликовой керамике второй половины I тыс. н.э. изредка встречаются геометрические фигуры из отдельных оттисков штампа, которые могли быть каким-либо изображением. Известны такие сосуды на стоянке Итомиура, Проспихинская Шивера-I и в по-

²³ Чиндина 1999, 193.

²⁴ Файзуллина 2017, 311.

²⁵ Виноградов, Чупрунова 2012.

²⁶ Дроздов, Чеха, Лаухин и др. 1990, 160; Славинский, Анойкин, Рыбалко и др. 2012.

²⁷ Кузьмин 2011, 198.

гребении со стоянки Усть-Ката-2²⁸. Фигуры различны: это треугольники, ромбы, прямоугольники (рис. 2, 2). Они также всегда нанесены поверх орнамента, выделяясь тем самым на общем фоне статичной орнаментальной композиции. Вероятно, они также имеют определенную семантическую нагрузку, хотя аналогии им в материалах на сопредельных территориях не известны.

В целом, изображения на средневековых сосудах Нижнего Приангарья отличаются от образов на посуде раннего железного века большей стилизацией, манерой и техникой нанесения, теряют ярко выраженные антропоморфные характеристики. На емкостях второй половины I тыс. н.э. фиксируется присутствие нескольких изображений, нанесенных поверх основного декора.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос соотношения изображений на керамике и некоторых типов петроглифов. Антропоморфные изображения с ромбовидной головой известны на целом ряде писаниц Нижнего Приангарья: Манзя-II, Ивашкин Ключ-II и - III, Выдумский Бык-III, Мурожная-3²⁹. По мнению А.Л. Заики, этот сюжет восходит к энеолиту Северной Монголии, откуда он проникает в Прибайкалье, где входит в глазковское искусство, и потом сохраняется в Нижнем Приангарье до раннего железного века включительно. Датирован этот тип петроглифов в рамках эпохи поздней бронзы – раннего железа (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.)³⁰

С учетом приведенных в статье археологических материалов эта датировка выглядит неоправданно широкой. Опираясь на изображения фигурок с ромбовидной головой на посуде, можно уверенно предполагать, что данный образ бытовал в долине Ангары с VIII/VII вв. до н.э. до V в. н.э., при этом значительно трансформируясь в зависимости от культурной принадлежности его создателей. Распространение антропоморфов с ромбовидной головой в наскальном искусстве и присутствие их на посуде свидетельствует о важности этого образа. Изменение иконографии сюжета на керамике раннего железного века, вероятно, связано с хронологическими и региональными особенностями культуры населения Ангаро-Енисейского бассейна.

Неоконтурные трехмочные личины, аналогичные изображениями на тонковаликовой раннесредневековой посуде, зафиксированы в нижнем течении Ангары на петроглифе Геофизик. Изображения выполнены в технике выбивки с последующей подшлифовкой. По мнению А.Л. Заики, такие простые личины являются наиболее древними и датируются в широком хронологическом диапазоне неолита – раннего бронзового века³¹. Однако, учитывая популярность этого сюжета на посуде второй половины I тыс. н.э., можно предполагать, что некоторые из подобных петроглифов могут относиться и к этому, более позднему, времени.

Традиция нанесения на посуду антропоморфных и зооморфных изображений существовала в южнотаежной зоне Ангаро-Енисейского бассейна на протяжении практически полутора тысяч лет. За это время менялась иконография рисунков, манера и техника их исполнения, место в общей орнаментальной композиции на

²⁸ Амзараков 2013, 203.

²⁹ Заика 2013, 59, 69, 73, 106, 111.

³⁰ Заика 2013, 146.

³¹ Заика 2013, 130.

сосуде. Изображения вписывались в традиционные орнаменты, характеризующие ту или иную археологическую культуру.

В раннем железном веке на посуде изображали плоскостные антропоморфные изображения с ромбовидной головой и личины с ромбовидным контуром, расположенные в верхней трети сосудов. В цэпаньской культурно-исторической общности тагарского времени изображения встраивались в орнаментальную композицию и имели большое семантическое и, вероятно, ритуальное значение. В долине Среднего Енисея указанный образ продолжал наноситься в неизменном виде на посуде шилкинской культуры тесинского времени.

В таштыкскую эпоху в южной тайге Ангаро-Енисейского бассейна на сосудах появляются полноразмерные антропоморфные фигуры, у которых сохраняются ромбовидные контуры головы предшествующего времени. На единственно известном сосуде в орнаментальную композицию из тонких волнистых налипных валиков вписаны две антропоморфные фигуры. Тем самым иконография сюжета, манера его нанесения и место размещения кардинально отличается от более ранних материалов, что маркирует серьезные изменения в мировоззрении населения региона.

На керамике раннего Средневековья изображения личин пока зафиксированы только на памятниках нижнего течения Ангары. Здесь преобладают предельно стилизованные личины из двух или трех ямок, реже встречаются более реалистичные барельефные изображения. Предельная абстракция средневековых образов не позволяет однозначно определить, какие черты антропо- или зооморфные являются в них превалирующими. В отличие от керамики раннего железного века, на средневековой посуде личины накладываются на общую орнаментальную композицию. Они наносились гончаром в последнюю очередь, уже после покрытия сосуда основным орнаментом.

Антропоморфные и зооморфные изображения на посуде южно-таежной подзоны Ангаро-Енисейского бассейна позволяют уточнить возраст и отчасти культурную принадлежность ряда петроглифов региона. В этой связи необходимо пересмотреть неоправданно широкую хронологию некоторых выделенных типов ангарских наскальных изображений, построенную по аналогиям из достаточно отдаленных территорий без должной привязки к местным вещественным источникам. Дальнейшее использование исследователями представленного фактического материала позволит преодолеть существующий разрыв между изучением писаниц и других типов археологических объектов, что необходимо для формирования целостного представления о культуре древнего и средневекового населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Амзараков, П.Б. 2013: Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката-1 и Усть-Ката-2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС. *НОСЯ* 1 (5), 200–205.
- Виноградов, Н.Б., Чупрова, Н.А. 2012: Случайная находка каменной плитки с антропоморфными изображениями на оз. Синара в Челябинской области. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 4, 77–80.

- Герман, П.В., Леонтьев, С.Н. 2013: Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.). В сб.: Л.Л. Карнаухова (отв. ред.), *Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий*. Красноярск, 57–72.
- Гришин, А.Е., Гаркуша, Ю.Н., Марченко, Ж.В. 2009: Результаты полевых работ в 2009 году на памятниках в устье реки Верхняя Кежда (Северное Приангарье). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XV*, 262–266.
- Деревянко, А.П., Цыбанков, А.А., Постнов, А.В., Славинский, В.С., Выборнов, А.В., Зольников, И.Д., Деев, Е.В., Присекайло, А.А., Марковский, Г.И., Дудко, А.А. 2015: *Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы)*. Новосибирск.
- Дроздов, Н.И., Чеха, В.П., Лаухин, С.А., Акимова, Е.В., Кольцова, В.Г., Артемьев, Е.В., Бокарев, А.А., Леонтьев, В.П., Викулов, А.А. 1990: *Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)»*. Новосибирск.
- Заика, А.Л. 2013: *Личины Нижней Ангары*. Красноярск.
- Кокорина, Ю.Г., Лихтер, Ю.А. 2010: *Морфология декора*. М.
- Кузьмин, Н.Ю. 2011: *Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура*. СПб.
- Леонтьев, С.Н., Герман, П.В. 2015: Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 (Северное Приангарье). В сб.: П.В. Мандрыка (отв. ред.), *Древности Приенисейской Сибири VII*. Красноярск, 87–106.
- Ломанов, П.В., Заика, А.Л. Художественная металлопластика и петроглифы Нижнего Приангарья. В сб.: П.В. Мандрыка (отв. ред.), *Древности Приенисейской Сибири IV*. Красноярск, 121–126.
- Макаров, Н.П. 2013: Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья. В сб.: Л.Л. Карнаухова (отв. ред.), *Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий*. Красноярск, 130–175.
- Максимович, Л.А., Бирюлева, К.В. 2018: Тонковаликовый сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Костыльниковский Мыс. В сб.: П.В. Мандрыка (отв. ред.), *Древности Приенисейской Сибири IX*. Красноярск, 86–94.
- Мандрыка, П.В. 2003: Городище Шилка-2 – памятник железного века южной тайги Среднего Енисея. В сб.: А.С. Вдовин (отв. ред.), *История и культура Приенисейской Сибири*. Красноярск, 32–52.
- Мандрыка, П.В. 2016: Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таежной зоны Средней Сибири. В сб.: П.В. Мандрыка (отв. ред.), *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая*. Т. 1, Красноярск. 232–241.
- Мандрыка, П.В., Бирюлева, К.В., Сенотрусова, П.О. 2019: Сравнительная характеристика керамических сосудов с тонковаликовой орнаментацией со стоянки Итомиура в Нижнем Приангарье. *Известия Лаборатории древних технологий* 15.1, 64–78.
- Панкратова, Л.В., Плетнева, Л.М. 2012: Архитектоника антропо-зооморфных изображений на керамике Кижировского городища. В сб.: М.П. Черная, Л.А. Чиндина (ред.), *Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого*. Томск, 166–187.
- Привалихин, В.И. 1992: О наличии головного убора с рожками и ушками у таежного населения Северного Приангарья в раннем железном веке. В сб.: А.М. Буровский (ред.), *Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края*. Т. 2, Красноярск, 72–76.

- Привалихин, В.И. 2011: Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследования. В сб.: В.М. Ярошевская (отв. за выпуск), *Второй век подвижничества*. Красноярск, 161–183.
- Рыбаков, Д.Ю. 2020: Локальные особенности томского варианта кулайской культурно-исторической общности конца IV в. до н.э. – IV в. н.э. *Universum Humanitarium* 2, 132–160.
- Савельев, Н.А., Уланов, И.В. 2018: Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье). *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»* 26, 46–85.
- Славинский, В.С., Анойкин, А.А., Рыбалко, А.Г., Казакова, Е.А., Милютин, К.И. 2012: Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье). *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 11.7, 194–205.
- Файзуллина, Д.Ф. 2017: Костюм населения Волго-Камья ананьинского времени в контексте развития костюмных комплексов Евразии раннего железного века. *Поволжская археология* 3, 305–317.
- Фокин, С.М. 2008: К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири. В сб.: М.П. Черная (отв. ред.), *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции*. Томск, 210–214.
- Чиндина, Л.А. 1999: Головные уборы в художественном металле кулайского времени. В сб.: Я.А. Шер (отв. ред.), *Международная конференция по первобытному искусству*. Т. 1. Кемерово, 188–194.

REFERENCES

- Amzarakov, P.B. 2013: Predvaritel'nye itogi arkhеologicheskikh raskopok pamyatnikov Ust'-Kata-1 i Ust'-Kata-2 v zone zatopleniya vodokhranilishcha Boguchanskoi GES [Preliminary results of archaeological excavations of the Ust-Kata-1 and Ust-Kata-2 monuments in the flood zone of the Boguchanskaya hydroelectric power station reservoir]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Scientific Review of Sayano-Altai]* 1 (5), 200–205.
- Chindina, L.A. 1999: Golovnye ubory v khudozhestvennom metalle kulaiskogo vremeni [Headdresses in artistic metal of the Kulai time]. In: Ya.A. Sher (ed.), *Mezhdunarodnaya konferentsiya po pervobytnomu iskusstvu [International Conference on Primitive Art]*. Vol. 1. Kemerovo, 188–194.
- Derevyanko, A.P., Tsybankov, A.A., Postnov, A.V., Slavinskiy, V.S., Vybornov, A.V., Zol'nikov, I.D., Deev, E.V., Prisekailo, A.A., Markovskiy, G.I., Dudko, A.A. 2015: *Boguchanskaya arkhеologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody) [Boguchany Archaeological Expedition: Essay on Field Research (2007–2012)]*. Novosibirsk.
- Drozdov, N.I., Chekha, V.P., Laukhin, S.A., Akimova, E.V., Koltsova, V.G., Artemev, E.V., Bokarev, A.A., Leont'ev, V.P., Vikulov, A.A. 1990: *Khronostratigrafiya paleoliticheskikh pamyatnikov Sredney Sibiri (bassein Eniseya). Putevoditel' ekskursii Mezhdunarodnogo simpoziuma "Khronostratigrafiya paleolita Severnoy, Tsentral'noy, Vostochnoi Azii i Ameriki (paleoekologicheskii aspekt)" [Chronostratigraphy of Paleolithic sites in Central Siberia (Yenisei basin). Guide for the excursion of the International Symposium "Chronostratigraphy of the Paleolithic of North, Central, East Asia and America (paleoecological aspect)"]*. Novosibirsk.
- Faizullina, D.F. 2017: Kostyum naseleniya Volgo-Kam'ya anan'inskogo vremeni v kontekste razvitiya kostyumnykh kompleksov Evrazii rannego zheleznogo veka [The costume of the population of the Volga-Kamya of the Ananyin time in the context of the development of

- costume complexes of Eurasia in the Early Iron Age]. *Povolzhskaya arkheologiya [Volga Archaeology]* 3, 305–317.
- Fokin, S.M. 2008: K voprosu o rasprostraneniі srednevekovoy valikovoy keramiki v Prieniseiskoy Sibiri [To the question of the distribution of medieval roll ceramics in Yenisei Siberia]. In: M.P. Chernaya (ed.), *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii [Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: problems of interpretation and reconstruction]*. Tomsk, 210–214.
- German, P.V., Leont'ev, S.N. 2013: Mnogosloynnye stoyanki ostrova Sergushkin (kratkie rezul'taty polevykh izyskaniy 2009–2011 gg.) [Multilayer sites of Sergushkin Island (summary results of field surveys 2009–2011)]. In: L.L. Karnaukhova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostey Nizhney Angary i sopredel'nykh territorii [Archaeological Research of Antiquities of the Lower Angara Region and Neighboring Territories]*. Krasnoyarsk, 57–72.
- Grishin, A.E., Garkusha, Yu.N., Marchenko, Zh.V. 2009: Rezul'taty polevykh rabot v 2009 godu na pamyatnikakh v ust'e reki Verkhnyaya Kezhma (Severnoe Priangar'e) [Results of field work in 2009 on monuments at the mouth of the Upper Kezhma River (Northern Priangarye)]. In: A.P. Derevyanko, V.I. Molodin (eds.), *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]* XV, 262–266.
- Kokorina, Yu.G., Likhter, Yu.A. 2010: *Morfologiya dekora [Decor morphology]*. Moscow.
- Kuz'min, N.Yu. 2011: *Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biiskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura [Burial monuments of the Xiongnu-Xianbei time in the steppes of the Middle Yenisei: Tes culture]*. Saint-Petersburg.
- Leontev, S.N., German, P.V. 2015: Keramicheskiy kompleks pervogo kul'turnogo gorizonta stoyanki Vzvoz, punkt 2 (Severnoe Priangar'e) [Ceramic complex of the first cultural horizon of the Vzvoz site, point 2 (Northern Angara region)]. In: P.V. Mandryka (ed.), *Drevnosti Prieniseiskoy Sibiri [Antiquities of Yenisei Siberia]* VII, 87–106.
- Lomanov, P.V., Zaika, A.L. Khudozhestvennaya metalloplastika i petroglify Nizhnego Priangar'ya [Artistic metal plastic and petroglyphs of the Lower Angara region]. In: P.V. Mandryka (ed.), *Drevnosti Prieniseiskoy Sibiri [Antiquities of Yenisei Siberia]* IV, 121–126.
- Makarov, N.P. 2013: Stoyanka Ust'-Karabula i voprosy arkheologii Severnogo Priangar'ya [Ust-Karabula site and issues of archaeology of the Northern Angara region]. In: L.L. Karnaukhova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostey Nizhney Angary i sopredel'nykh territorii [Archaeological Research of Antiquities of the Lower Angara Region and Neighboring Territories]*. Krasnoyarsk, 130–175.
- Maksimovich, L.A., Biryuleva, K.V. 2018: Tonkovalikovyy sosud s antropomorfnyimi izobrazheniyami so stoyanki Kostyl'nikovskiy Mys [Thin-rolled vessel with anthropomorphic images from the Kostyl'nikovskiy Mys site]. In: P.V. Mandryka (ed.), *Drevnosti Prieniseiskoy Sibiri [Antiquities of Yenisei Siberia]* IX, 86–94.
- Mandryka, P.V. 2003: Gorodishche Shilka-2 – pamyatnik zheleznogo veka yuzhnoy taigi Srednego Eniseya [Settlement Shilka-2 – a monument of the Iron Age of the southern taiga of the Middle Yenisei]. In: A.S. Vdovin (ed.), *Istoriya i kul'tura Prieniseiskoy Sibiri [History and culture of Yenisei Siberia]*. Krasnoyarsk, 32–52.
- Mandryka, P.V. 2016: Kompleksy s keramikoy kamensko-makovskogo tipa na Enisee i ikh mesto v kul'turogeneze taizhnoy zony Sredney Sibiri [Complexes with ceramics of the Kamenka-Makovskoye type on the Yenisei and their place in the cultural genesis of the taiga zone of Central Siberia]. In: P.V. Mandryka (ed.), *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoy Sibiri i Severnogo Kitaya [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and North China]*. Vol. 1 Krasnoyarsk, 232–241.

- Mandryka, P.V., Biryuleva, K.V., Senotrusova, P.O. 2019: Sravnitel'naya kharakteristika keramicheskikh sosudov s tonkovalikovoy ornamentatsiey so stoyanki Itomiura v Nizhnem Priangar'e [Comparative characteristics of ceramic vessels with thin-rolled ornamentation from the Itomiura site in the Lower Angara region]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies] 15.1, 64–78.
- Pankratova, L.V., Pletneva, L.M. 2012: Arkhitektonika antropo-zoomorfnykh izobrazheniy na keramike Kizhirovskogo gorodishcha [Architectonics of anthropo-zoomorphic images on ceramics of the Kizhirovsky settlement]. In: M.P. Chernaya, L.A. Chindina (eds.), *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnoy Evrazii: ot artefaktov k prochteniyu proshlogo* [Archaeological and Ethnographic Studies of Northern Eurasia: From Artifacts to Reading the Past]. Tomsk, 166–187.
- Privalikhin, V.I. 1992: O nalichii golovnogo ubora s rozhkami i ushkami u taezhnogo naseleniya Severnogo Priangar'ya v rannem zheleznom veke [On the presence of a headdress with horns and ears among the taiga population of the Northern Angara region in the early Iron Age]. In: A.M. Burovskii (ed.), *Problemy arkheologii, istorii, kraevedeniya i etnografii Prieniseiskogo kraya* [Problems of Archaeology, History, Local History and Ethnography of the Yenisei Region]. Vol. 2. Krasnoyarsk, 72–76.
- Privalikhin, V.I. 2011: Tsepan'skaya kul'tura rannego zhelezного века Severnogo Priangar'ya. Istoriya otkrytiya, rezul'taty i perspektivy issledovaniya [Tsepan culture of the early Iron Age of the Northern Angara region. Discovery history, results and research prospects]. In: V.M. Yaroshevskaya (red.), *Vtoroy vek podvizhnichestva* [Second century of asceticism]. Krasnoyarsk, 161–183.
- Rybakov, D.Yu. 2020: Lokal'nye osobennosti tomskogo varianta kulaiskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti kontsa IV v. do n.e. – IV v. n.e. [Local features of the Tomsk version of the Kulay cultural and historical community of the end of the 4th century BC – 4th century AD]. *Universum Humanitarium* 2, 132–160.
- Savel'ev, N.A., Ulanov, I.V. 2018: Keramika epokhi neolita mul'tisloichatogo mestonakhozhdeniya Gorelyy Les (Yuzhnoe Priangar'e) [Neolithic ceramics of the multilayer locality Gorelyy Les (South Angara region)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [Irkutsk State University Bulletin. Series "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"] 26, 46–85.
- Slavinskiy, V.S., Anoikin, A.A., Rybalko, A.G., Kazakova, E.A., Milyutin, K.I. 2012: Arkheologicheskie komplekсы stoyanki Koda-3 (Severnoe Priangar'e) [Archaeological complexes of the Koda-3 site (Northern Angara region)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology] 11.7, 194–205.
- Vinogradov, N.B., Chuprova, N.A. 2012: Sluchainaya nakhodka kamennoy plitki s antropomorfnyimi izobrazheniyami na oz. Sinara v Chelyabinskoi oblasti [An accidental find of a stone tile with anthropomorphic images on the lake. Sinara in the Chelyabinsk region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography] 4, 77–80.
- Zaika, A.L. 2013: *Lichiny Nizhney Angary* [The faces of the Lower Angara]. Krasnoyarsk.

ANTHROPOMORPHIC AND ZOOMORPHIC IMAGES ON VESSELS
OF THE EARLY IRON AGE AND MEDIEVAL FOREST ZONE
OF THE ANGARO-YENISEI BASIN

Polina O. Senotrusova, Pavel V. Mandryka, Kseniya V. Biryuleva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

poellina1987@rambler.ru; pmandryka@yandex.ru; ksy36ss@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of anthropomorphic and zoomorphic images on vessels of the Early Iron Age and the Middle Ages in the forest zone of the Angara-Yenisei basin. A description of the available materials, their typology and chronology are given. In the course of the study, it was established that planar anthropomorphic images with a lozenge-shaped head and lozenge-shaped faces are found on ceramics of the Early Iron Age. They are always located in the upper third of the vessels and are woven into the structure of the ornamental composition. Similar images are found throughout the entire area of the Tsepan cultural and historical community of the Tagar time, and in the valley of the Middle Yenisei, they are also known later - in complexes synchronous with Tes' materials. In the Tashtyk era, in the southern taiga of the Angara-Yenisei basin, full-size anthropomorphic figures appear on the vessels, in which the lozenge-shaped contours of the head of the previous time are preserved. But the iconography of the plot, the manner of its application and the place of placement are fundamentally different from the previous time. On the medieval ceramics of the Lower Angara region, stylized masks from two or three pits are found. More realistic bas-relief images are also known. The extreme abstraction of medieval images does not allow us to unambiguously determine which anthropo- or zoomorphic features are prevalent in them. In contrast to the ceramics of the early Iron Age, on medieval utensils, masks are superimposed on the overall ornamental composition. They were applied by the potter last, after the vessel was covered with the main ornament. Anthropomorphic and zoomorphic images on vessels of the southern taiga subzone of the Angara-Yenisei basin allow us to clarify the age and, in part, the cultural identity of some types of petroglyphs in the region.

Keywords: Central Siberia, Lower Angara, Middle Yenisei, ceramics, images, dating, petroglyphs
